

Т.В. Смирнова

Использование частных архивов в работе краеведческого отдела Сергиево-Посадского музея-заповедника

Известно немного портретов выдающегося деятеля культуры графа Юрия Александровича Олсуфьева. В основном мы знаем его облик по фотографии из следственного дела января 1938 г.¹. (В 1938 г. Олсуфьев был арестован и расстрелян). Неизвестно местонахождение его портрета маслом работы художника графа В.А. Комаровского. В книгах члена-корреспондента РАН Г.И. Вздорнова приводится только его черно-белая репродукция².

Так как Олсуфьев внес огромный вклад в создание музея на основе ценностей Троице-Сергиевой лавры, понятен особый интерес к его личности. Недавно по моей просьбе разыскал цветное воспроизведение портрета внук художника А.Н. Бобринский в архиве своей покойной тетки графини Антонины Владимировны Комаровской. А его товарищ М.А. Трубецкой помог старый диапозитив представить в электронном виде.

Многое можно узреть, глядя на портрет в цвете. Возле головы мы видим нечто вроде сияния, будто художник предвидел мученический конец этого крупнейшего специалиста по древнерусской иконописи. Нельзя не удивиться длинной бороде и одежде графа – он в белой рубашке. Заметно и то, что портрет носит этюдный характер. В этом отличие от портретов о. Павла Флоренского, которых Комаровский написал не менее шести. Они носят более законченный характер. Возникает ряд вопросов, ответы на которые удалось найти в основном в архивах частных лиц.

Еще при жизни А.В. Комаровской я ознакомилась с ее архивом и попросила дополнить его, записав воспоминания о детских годах в Сергиевом

¹ *Олсуфьев Ю.А.* Из прошлого одной усадьбы. М., 2009. С. 195.

² *Вздорнов Г.И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 185.

Посаде, когда их семья жила в доме Ю.А. Олсуфьева³. Она, в частности, написала: «Помню дядю Юрия всегда занятым или по хозяйству, или спешащим стремительно в Лавру, на работу. Он держался несколько в стороне от большого круга знакомых, съехавшихся в то время в Посад. И случилось, что совсем не выходил к гостям, которых принимала одна жена его. <...> В этом сказывалось его нежелание отвлекаться и рассеиваться в разговорах». Думаю, что именно этой чертой характера – склонностью беречь свое время – и объясняется то, что Олсуфьев, должно быть, мало позировал художнику, хотя они и жили в одном доме.

М.М. Пришвин в дневнике приводит такое высказывание одной из жительниц Сергиева Посада: «... даже граф Олсуфьев отпустил бороду, ходит в рубашке и доволен этим свинством – в рубашке ходить»⁴. Очевидно, образ графа с бородой и в рубашке крепко врезался в память жителей: дневниковая запись сделана через два года после отъезда Олсуфьева из города. Она подтвердила реалистичность портрета, но мало что объяснила. (Замечу, кстати, что и дневники Пришвина долгое время хранились в частном архиве его жены).

Обратимся снова к воспоминаниям А.В. Комаровской. Она писала об Олсуфьеве: «Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом, он, может быть, был похож на красивого крестьянина, когда в зимнее время в старенькой барашковой шапке и коричневой куртке со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова». Выделим слова: «похож на крестьянина». Комаровская помнила, что у Олсуфьевых в Посаде была и корова, которую доила графиня, и лошадь. Что ж, если приходится вести крестьянское хозяйство, то почему бы не отпустить и длинную бороду?

³ *Комаровская А.В.* Наша жизнь в Сергиевом Посаде // Братина. Сергиев Посад, 2000. С. 306–319; Полный вариант см.: *Комаровская А.В.* Детство в Сергиевом Посаде // Граф Ю.А. Олсуфьев. Икона в музейном фонде. Исследования и реставрация. М., 2006. С. 344–360.

⁴ *Пришвин М.* 1930 год // Октябрь. 1989, № 7. С. 157.

Более подробные сведения мы находим в том же архиве – в воспоминаниях старшего сына художника Алексея Владимировича Комаровского, сохранных его сестрой⁵. Он упоминает сельскохозяйственную артель, организованную Олсуфьевым. Сведения об артели нашлись и в воспоминаниях Натальи Дмитриевны Шик, урожденной княжны Шаховской, жившей в Посаде в 1918–1928 гг.⁶. Архив сохранился у ее дочери Е.М. Шик. «Весна 1921 года сблизила нас [с семьей Мансуровых – Т.С.] на новом предприятии – хозяйственном. Под влиянием голода предшествующих лет и по инстинктивному тяготению “к земле” мы взялись за обработку участка земли. Основными членами маленькой артели были семьи Олсуфьевых, Мансуровых и наша. Главным нашим хозяйственным ресурсом были неутомимая энергия Юр[ия] Ал[ександровича] и собственные наши руки. Нам отвели нераспаханный участок плохой глинистой почвы. Землю под картошку после вспашки, которая только подняла дерн, разбивали лопатой, делая длинные гряды».

А точку в вопросе рубашки поставили дневники Ольги Бессарабовой. Читаем дневниковую запись 25 июля 1922 г. о сенокосе: «Косил траву и Олсуфьев. Живописная фигура. Длинная курчавая борода, красивое лицо с большим лбом на почти лысой голове. Напоминает сказочного гнома. В лаптях, в онучах полосатеньких, в белой рубахе тонкого полотна, в шляпе из материи. Он уже стал отвыкать от обычного своего жеста – в первый момент встречи в поле: маленькой загорелой рукой всполошено трогает то место, где должен быть галстук и где теперь просто расстегнутая пуговица. И милая смущенная улыбка и за пуговицу, и за жест свой, и так просто»⁷.

Осталось еще, пожалуй, только сузить интервал времени, когда мог быть написан портрет. Г.И. Вздорнов указывает 1923–1925 гг. Но согласно

⁵ А.В. Комаровский. [Воспоминания]. Архив автора.

⁶ [Шик-Шаховская Н.Д.]. Мои встречи с С.П. Мансуровым. Архив автора.

⁷ Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники (1915–1925) Ольги Бессарабовой. М., 2010. С. 484.

сведениям из архива А.В. Комаровской, они приехали в Посад осенью 1923-го, а арестован ее отец был в апреле 1925-го. Так что, скорее всего, портрет запечатлел облик Олсуфьева летом 1924 г.

Рассказывая эту историю, я хочу показать, сколько сведений из частных архивов (или бывших до недавнего времени частными) нужно было использовать, чтобы найти объяснения особенностям всего лишь одного портрета.

Надо заметить, что Сергиеву Посаду необыкновенно повезло. В послереволюционные годы в нем жили многие аристократические семьи, приехавшие, как и Олсуфьевы, «под покров Преподобного». Будучи образованными людьми, они или их дети постарались сберечь архивы, написать воспоминания о жизни в этом городе. Благодаря этому мы имеем теперь яркое представление преимущественно о 1920-х годах, об уничтоженных впоследствии скитах и пустынях Троице-Сергиевой лавры, о заметных личностях, живших или бывавших в этом городе. Так, о службе в Гефсиманском скиту мы знаем из уже упомянутых воспоминаний А.В. Комаровского и воспоминаний Ксении Петровны Истоминой (в замужестве Трубецкой)⁸.

К.П. Трубецкая писала: «Богослужения в Гефсиманском скиту отличались замечательной красотой. Пение – столповое на крюках, всегда на два клироса с канонархами; полное отсутствие по уставу всякого драгоценного металла – все деревянное, перламутр, чудные облачения, изготовленные хотьковскими монахинями. В будни облачения были холщовые, отделанные с большим вкусом холщовыми же полосами искусно подобранного цвета. Помню облачения на страстной седмице, поразившие меня своей красотой. По краю черных бархатных фелоней, на некотором расстоянии один от другого, ярко выделялись белые круги с разноцветными

⁸ *Трубецкая К.П.* Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине // Хоругвь. М., 1993. Вып. 1. С. 59–81.

букетами цветов». Или вот несколько строк из ее же описания хозяйства скита: «В скиту было прекрасно налаженное хозяйство. Все светилось чистотой и порядком. Никогда больше я не видела такого ухоженного скота и полей. Особенно помню, как лоснились бока и спины лошадей, с которыми так ласково обращались». Замечу, что Ксения Петровна успела опубликовать свои воспоминания при жизни, но в столь редком журнале, что вряд ли бы он попал мне на глаза, если бы не был сохранен в архиве А.В. Комаровской.

Годы НЭПа в Сергиевом Посаде прекрасно описаны Сергеем Петровичем Раевским. Потребительский кооператив «Смычка», базарная торговля, реакция жителей на введение нового календаря, школьное образование тех лет – все это и многое другое вошло в его воспоминания. Он предоставил их мне, а опубликованы они были уже после смерти автора⁹.

Особый интерес вызывают воспоминания Андрея Владимировича Трубецкого: большая часть аристократических семей уехала из Сергиева Посада еще в 1920-х гг., а Трубецкие продержались до 1934-го. По его воспоминаниям хорошо видно, как резко изменилась жизнь с концом относительно благополучного НЭПа¹⁰. Он писал: «Ликвидация НЭПа коснулась многого и многих. Хозяин нашего дома П.Г. Осипов владел еще двумя домами. Ему оставили один на Нижней улице. Мы переселились в одну комнату одноэтажного сырого строения. Нашему квартирному раздолью – три комнаты с террасой, чуланами – пришел конец. Жизнь на Нижней улице стала довольно скудной, а порой и просто голодной. На маленькой плите, которая нещадно дымила, отапливая нашу комнату, мать варила пустые щи, пшеничную кашу на воде или картошку. В качестве приправы жарился лук на небольшом количестве сметаны». Далее автор пишет об эпидемии тифа, вшах, торгсине, куда «потекли жалкие остатки семейных ценностей в золоте и серебре...». Пишет об усилении борьбы с Церковью в начале 1930-х гг.: «Это было время

⁹ Раевский С.П. Пять веков Раевских. М., 2005.

¹⁰ Трубецкой А.В. Пути неисповедимы (отрывок) // Братина. Сергиев Посад, 2000. С. 584–599.

особо сильных гонений на религию. В школах велась ярая атеистическая пропаганда. Вспоминается, как нас заставляли <...> рассказывать, как мы провели пасхальные дни. И если рассказчик говорил о своих радостных переживаниях, то педагог поправлял, что эта радость происходила от посещения кинотеатра, клуба, но никак не церкви. <...> Уже одно ношение нательных крестов было просто невозможно. В бане, в школе при медицинских осмотрах, когда надо было снимать рубашку, предстать с крестом на груди... Это же вызов! И мы, люди слабые, сдавались, снимали кресты».

Конечно, был получен из частных архивов и большой фотоматериал. В основном это портреты членов семей, живших в Сергиевом Посаде. Очень интересны, например, фотографии княжеской семьи Голицыных, живших летом на даче в одном из сел близ города. Они были показаны на нашей выставке «Голицыны в Глинкове».

Найден и немалый изобразительный материал. Так, в чемодане под диваном А.В. Комаровской хранилась коллекция графики М.М. Осоргиной, ее родственницы, полученная по завещанию из Франции. Хотя художница и не жила в Сергиевом Посаде, но в семью Осоргиных в подмосковном Измалкове приезжали погостить многие их знакомые и родственники, в том числе из Посада. Впервые коллекция показана в 2002 г. на нашей выставке «Образы минувшего» и была выпущена к ней небольшая книжка¹¹. После кончины А.В. Комаровской рисунки Осоргиной выставлялись в Музее-заповеднике А.С. Пушкина в Больших Вяземах и других местах. Г.И. Вздорнов издал потом и большой альбом ее графики¹². Но особенно радостно, что выставку в нашем

¹¹ *Комаровская А.В.* Графика М.М. Осоргиной. Образы минувшего. Сергиев Посад, 2002. См. также: *Смирнова Т.В.* Гости усадьбы Измалково. Послереволюционные годы // Подмосковный летописец. 2007. № 4. С. 62–65.

¹² Подмосковная Измалково. Владельцы, родственники, друзья и гости Измалкова и Лукина в рисунках Марии Осоргиной. 1918–1930 / Сост. Г.И. Вздорнов и А.К. Митюкова. М., 2006.

музее Антонина Владимировна успела увидеть и присутствовала на презентации своей книжки.

От А.В. Трубецкого были получены ксерокопии охотничьих рассказов его отца Владимира Сергеевича с замечательными юмористическими иллюстрациями художника Владимира Михайловича Голицына.

К сожалению, нередко владельцы архивов, авторы мемуаров не доживают до публикации. Так, ту часть мемуаров А.В. Трубецкого, в которой он описывает жизнь в Сергиевом Посаде, мне удалось опубликовать только в сокращенном виде. Все жду, когда его сыновья издадут их полностью. Лишь после смерти С.П. Раевского его сын смог напечатать замечательный труд отца. Писатель А.Л. Никитин нашел в Сергиевом Посаде и опубликовал воспоминания, дневники и письма преподавателя литературы и русского языка С.А. Волкова, скончавшегося еще в 1965 г.¹³. В них идет речь о последних годах перед закрытием Московской духовной академии и многом другом.

Пришлось столкнуться и с тем, что порой люди не хотят расставаться со своими архивами. Даже порой не соглашаются их показать. Так, я узнала, что у А.С. Веселовской хранятся дневники ее матери. Но уговорить дать с ними ознакомиться мне не удалось. Прошло полтора десятка лет, и это сумели сделать сотрудники Дома-музея Марины Цветаевой в Москве. Они объясняют свой успех тем, что будто бы Анна Степановна не давала этот архив потому, что не ценила его в отличие от архива своего знаменитого отца-историка. Убеждена – дело не в этом. Дневники вообще жанр более откровенный, чем воспоминания. В дневниках Ольги Бессарабовой так много сугубо личного, что я понимаю нежелание дочери знакомить с ними. Их и сейчас местами как-то неловко читать. Но, решившись обнародовать дневники, А.С. Веселовская вспомнила мой интерес и, как только книга вышла из печати, прислала мне письмо. Беспокоит меня судьба архива первого директора нашего музея В.Д.

¹³ Волков С. Возле монастырских стен. Мемуары, дневники, письма. М., 2000.

Дервиза. Его родственник все только обещает опубликовать его мемуары. И даже не хочет дать ознакомиться с ними. А время идет.

Возникает вопрос и о дальнейшей судьбе материалов, полученных из частных архивов. Некоторые мне удалось опубликовать, но тут мы сталкиваемся с финансовыми трудностями. Большая часть использована при устройстве выставок, написании научных статей, в газетных публикациях. Были изданы также две книги, в которых я старалась привести как можно больше цитат из этих материалов¹⁴. Сотрудник исторического отдела нашего музея включил в свой труд о Гефсиманском ските фрагменты из воспоминаний А.В. Комаровского и К.П. Трубецкой, опубликованные мной в местной газете¹⁵.

Надо сказать и о тех случаях, когда попадают в руки материалы, не относящиеся к Сергиеву Посаду. Полагаю – следует использовать все возможности, чтобы максимально ввести их в научный оборот. Тут очень выручает журнал «Подмосковный летописец». Так, в нем была напечатана та часть воспоминаний А.В. Комаровского, которая относится к подмосковной усадьбе Измалково¹⁶. Большой архив разнообразных материалов передала мне племянница княжны А.Д. Шаховской. Это дало возможность опубликовать статью о подмосковном краеведении в упомянутом журнале¹⁷. А часть из них я с согласия владелицы передала в Дмитровский музей (Шаховская была одним из организаторов Музея Дмитровского края). Добавлю: зная, что костромская исследовательница Л.И. Сизинцева занимается темой

¹⁴ *Смирнова Т.В.* «...под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2007; *Она же.* Из прошлого Сергиевской земли. Сергиев Посад, 2011.

¹⁵ *Филимонов К.А.* Новая Гефсимания. М., 2000. *Комаровский А.В.* О нашей жизни в Сергиевом Посаде (1923–1928) // Вперед (Сергиево-Посадская газета), 07.12.1996; Гефсиманский скит: из воспоминаний *Трубецкой К.П.* // Вперед. 02.08.1997.

¹⁶ *Комаровский А.В.* Воспоминания об усадьбе Измалково // *Подмосковный летописец.* 2007, № 4. С. 57–61.

¹⁷ *Смирнова Т.В.* Князь Д.И. Шаховской и краеведческое движение в Подмосковье в 1920-е годы // *Подмосковный летописец.* 2010. № 4. С. 32–41.

организации в России экскурсионного дела в конце XIX – начале XX в., я предложила ей использовать в работе оказавшиеся в этом архиве протоколы Экскурсионной комиссии 1925 г., которой руководил князь Д.И. Шаховской.

Не до конца решен вопрос хранения частных архивов. К сожалению, Сергиево-Посадский музей-заповедник только сравнительно недавно начал их собирать. В научный архив стали принимать личные фонды покойных сотрудников музея. Мне удалось сдать туда документы Ивана Федоровича Казакова, которые принес его внук¹⁸. А вот архив скончавшейся в середине 1960-х гг. старейшей сотрудницы музея А.М. Курбатовой, проработавшей в музее около 30 лет, утрачен. Неизвестна и дата ее смерти. Фотографии и документы жителей Сергиева Посада поступают теперь в фонды созданного в 1995 г. краеведческого отдела (переименованного в отдел истории и культуры XX века). А мемуары и некоторые другие материалы, найденные мной у разных лиц, хранятся пока у меня.

Считаю, что материалы частных архивов не только позволяют уточнить те или факты, но, что, на мой взгляд, гораздо более важно – дают яркую картину жизни прошлых лет. Особенно целесообразно использовать их в той литературе, которую принято называть научно-популярной. Ведь именно она и формирует у широких масс представления об истории нашей родины.

¹⁸ *Смирнова Т.В.* Иван Федорович Казаков // Московский журнал. 2007. № 6. С. 23–28.